

И. Ю. Котин

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ КОЛЛЕКЦИИ ИНДИЙСКОГО ОРУЖИЯ МАЭ РАН¹

Кунсткамера — музей универсальный и уникальный одновременно. В европейских кунсткамерах собирались как различные диковинки, которые должны были позабавить посетителя, так и интересные образцы даров природы и творений человека, призванные посетителя просветить. Неудивительно, что в Санкт-Петербургскую Императорскую Кунсткамеру попали и удивительные творения индийских оружейников, призванные как позабавить, так и просветить и даже защитить посетителя. В каждом предмете — сочетание разных эпох и влияний. Возьмем, к примеру, комбинированное оружие пика-пистолет (колл. № 309-157; рис. 1), подарок бенаресского² раджи цесаревичу Николаю Александровичу, полученный наследником российского престола во время его путешествия по Индии в 1890–1891 гг. и переданную позднее (в 1896 г.) в Императорскую Кунсткамеру. Это образец индийского оружейного искусства, подчиненного вкусам европейского заказчика. Европейская тема, европейский контекст незримо присутствуют во многих индийских коллекциях в описании либо обстоятельств создания предмета, либо истории его приобретения.

Рис. 1. Пика-пистолет. МАЭ. Колл. № 309-157

¹ Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг.: История, коллекции. Научное наследие».

² Бенарес (Варанаси, Каши) — священный город в Индии, расположенный на р. Ганг в Соединенных Провинциях Ауда и Агры (в настоящее время — штат Уттар Прадеш).

Так начиналась, например, датская коллекция индийских предметов, попавшая сперва в Королевскую копенгагенскую кунсткамеру, затем — в Государственный этнографический музей и еще позднее — в созданный на ее основе этнографический отдел Национального музея [Кроллау 2009а, 2009б]. Та же судьба у индийских предметов в Голландии, первоначально попавших в Гаагский кабинет редкостей, затем — в Колониальный музей (в настоящее время — Музей тропиков). С индийских экспонатов Петровской Кунсткамеры начинается и индийское собрание петербургского Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

Часть индийских предметов попала в Петербургскую Кунсткамеру из Берлинского музея народоведения, унаследовавшего коллекции Прусской королевской кунсткамеры. В. В. Радлов, ставший директором Императорской Кунсткамеры в 1894 г., установил хорошие отношения с директорами европейских этнографических музеев, в частности с директором-основателем Берлинского музея народоведения Адольфом Бастианом (1826–1905). В Санкт-Петербург благодаря этому обмену попали отдельные предметы (колл. № 604) из Мадраасской провинции Британской Индии (современные штаты Тамилнаду, Керала, южная часть Андхра-Прадеш), собранные немецким исследователем Теодором Ягором [Кисляков 2001: 126].

Конечно, одна из самых интересных коллекций, в том числе содержащая и интересные образцы индийского оружия, — это коллекция № 309, дар последнего российского императора.

Основу музейной коллекции индийского оружия составляют дары (1906 г.) российского императора Николая II, в 1890–1891 гг. посетившего Индию во время большого путешествия «Гранд турне», или «Гранд тура», включавшего также Грецию, Египет, Цейлон, Яву, Китай, Японию. Путешествие по Индии (12.12.1890–10.02.1891) было одним из наиболее продолжительных этапов его поездки на Восток. Маршрут путешествия цесаревича Николая Александровича по Индии был следующий: Элефанта — Бомбей (25.12.1890) — Нандгао — Роуза/Эллора (26.12.1890) — Аурангабад (27.12.1890) — Даулатабад (27.12.1890) — Бомбей (31.12.1890) — Барода (1.1.1890) — Аджмир (2.1.1891) — Джоджхпур (3.1.1891) — Джайпур (7.1.1891) — Дели (9–11.1.1891), Лахор (13.1.1891) — Матхура (16.1.1891) — Агра (17.1.1891) — Гвалиор (19.1.1891) — Канпур (22.1.1891) — Лакхнау (22.1.1891) — Бенарес (Варанаси, конец января 1891 г.) — Калькутта — Джабальпур — Бомбей — Пуна — Тричинополи — Срирангапаттам (9.2.1891) — Мадурра (10.2.1891). Во многих местах, где останавливался цесаревич, устраивались импровизированные приемы, на которых Его Высочество получал дары, также он посещал восточные базары или отправлял туда за покупками членов своей свиты.

О больших *дарбарах*³ на пути следования цесаревича, на которых устраивали торговлю диковинным оружием и платьем, мы узнаем из роскошно изданного в г. Лейпциге трехтомного описания путешествия, написанного сопровождавшим цесаревича князем Ухтомским [Ухтомский 1893, 1: 124; 2: 17–77]. Мы знаем, что в Агре британские власти организовали грандиозный *дарбар* в честь высокого российского гостя. Наследник престола и его спутники покупали диковинные клинки, щиты, секиры, получали их в дар от местных пра-

³ Дарбáр — торжественный прием.

вителей. Среди покупок и даров немало оригинальных предметов, но есть и вещи, созданные с учетом вкусов нередких гостей Индии — британских и других европейских аристократов, совершавших классическое путешествие по загадочному Востоку.

И «Гранд турне», и импровизированные и европеизированные ориентальные приемы — *дарбары* — явление, связанное с британской социальной и культурной историей, в том числе (но не только) с историей колониального владения Индией. Первые «Гранд туры» представители знатных английских, шотландских, валлийских и ирландских родов стали совершать по Греции (еще в период Османского владычества) и Италии (разделенной на ряд государств и частично оккупированной Австрией). Это было своеобразным практическим завершением классического образования, начатого дома с частными учителями, в привилегированных «публичных школах» (Харроу, Итон, Винчестер, Регби) и университетах Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга, Абердина и Сент-Эндрюса. В XVIII в. это было модно. Традиционный маршрут молодых аристократов — путь в Грецию и Малую Азию, причем особые соглашения с османскими властями обуславливали британским подданным создание особенного комфорта. Их не облагали налогами, и местной судебной юрисдикции они также не подлежали. Пьемонт, Папская область, Неаполитанское королевство, особенно окраины Неаполя, места раскопок Помпей, Стабий и Геркуланума, а также Таормина на Сицилии ежегодно принимали сотни аристократов с Туманного Альбиона.

Позднее в сферу интересов английских аристократов попала Франция, лежащая на пути тех, кто предпочитал часть пути до Италии проделать по суше. Образец описания части такого турне — незавершенное «Сентиментальное путешествие» Стерна. Своеобразным «Гранд туром» была и поездка в Швейцарию, Португалию, Италию и Грецию лорда Байрона, описанием «Гранд тура» в некоторой степени можно считать «Паломничество Чайльд Гарольда». Конечно, Байрон несколько отклонился от привычного маршрута, посетил Португалию и Испанию, но в боготворимую британцами Грецию и роскошную Италию, и, главное, в Венецию — рай для всех участников «Гранд тура» — он все-таки добрался. Между тем Венеция (как Лиссабон и другие достопримечательности Средиземноморья) Байрона скорее разочаровала, чем вдохновила:

Тоскует Адриатика-вдова:
 Где дож, где свадьбы праздник ежегодный?
 Как символ безутешного вдовства
 Ржавеет «Буцентавр», уже негодный.
 Лев Марка стал насмешкою бесплодной
 Над славою, влачащейся в пыли,
 Над площадью, где, Папе неугодный,
 Склонился император и несли
 Дары Венеции земные короли.

[Байрон 2001, песнь 4.11. С. 147].

Тем временем интерес к Востоку в начале XIX в. вырос настолько, что Индия и другие страны Востока, а также Османская империя, Египет стали объектами нового паломничества аристократов. Именно романтики XIX в.

открыли для европейского образованного читателя Восток и, в частности, Индию. Как писал в очерке об «ориентальной поэзии» Вяч. Вс. Иванов, «Шлегели в пору йенского романтизма одновременно совершили переворот и в представлениях европейцев об истории духовной жизни Азии <...> Не отдельные образы, но и целые сюжеты, вокруг них сложившиеся, входят в ту пору в европейские традиции и становятся излюбленными, как ранее античные персонажи, с которыми восточные герои и героини успешно состязаются» [Иванов 1985: 427]. Индия манила романтиков и как страна любви. Вспомним «Индийскую мелодию» Перси Биши Шелли:

Я проснулся, задрожал,
Мне во сне явилась ты,
Нежный ветер чуть дышал.
Ночь светила с высоты...

[Восточные мотивы 1985: 234].

Итак, Индия высокой культуры, сравнимой с античной культурой древних Греции и Рима, Индия романтических грез и любви звала к себе путешественников и коллекционеров.

Одним из первых новый маршрут освоил британец лорд Валентиа, который отправился в 1802–1806 гг. в тогда еще не традиционный «Восточный большой тур», маршрут которого пролегал по Индии, Цейлону, Абиссинии (Эфиопии) и Египту. Английские аристократы нередко путешествовали в компании многочисленных родственников, компаньонов, а порой также в сопровождении художников и очеркистов, ведших дневник путешествия. С собой лорд Валентиа пригласил талантливого художника Г. Солта (1780–1827), чтобы тот составил своеобразный иллюстрированный отчет о путешествии [Кроллау 2009б].

Эта поездка способствовала созданию традиции. Многие английские и другие европейские аристократы совершали подобный вояж. В 1877 г. королева Англии Виктория была провозглашена императрицей Индии на специальном дарбаре в Дели. Подобные приемы позднее устраивались в честь прибытия наследников престола, носивших титул принца Уэльского. В этом качестве «Гранд тур» по Индии совершили и будущие короли Эдуард VII и Георг V.

Высокородные путешественники, как правило, занимались и коллекционированием. Их привлекали прежде всего «диковинки» (curiosities) — «поражавшие воображение своей необычностью экспонаты» [Кроллау 2009а: 13].

По образцу викторианского королевского турне была организована и поездка наследника российского престола. Цесаревича сопровождала большая свита. При нем были придворные художники Каразин, Гриценко. Советник по делам Востока Э. Э. Ухтомский вел дневник путешествия и позднее издал полный иллюстраций трехтомник с описанием путешествия этого «Гранд вояжа». Ухтомский пишет по поводу организации путешествия: «Над осуществлением программы государственно важного путешествия потрудились воспитатель цесаревича, генерал-адъютант Г. Г. Данилович, известный географ А. И. Войеков и капитан 1-го ранга Н. Н. Ломен, впоследствии командир фрегата “Память Азова”, на котором благополучно совершалось знаменательное

путешествие» [Русская Индия 2010: 259]. Как положено для «Гранд тура», была подобрана свита путешествующего лица: знатные аристократы, военные, придворный художник: «Число лиц, избранных для неотлучного сопровождения его Императорского Высочества было весьма ограничено и состояло из: главного руководителя, облеченного доверием Государя императора, свиты его величества генерала-майора князя Вл. Ал. Барятинского, флигель-адъютанта князя Н. Д. Оболенского и князя В. С. Кочубея. <...> В Триесте к свите присоединился акварелист Н. П. Гриценко» [Там же: 259–260].

Уже сам стиль описания предполагает, что полученные в дар или купленные наследником российского престола предметы — настоящие произведения искусства, образец качества и вкуса. Действительно, такие замечательные образцы в коллекции Кунсткамеры есть. Таков, например, клинок-тальвар, вероятно, изготовленный в г. Лакхнау, и там же, возможно, приобретенный (колл. № 309-133а; рис. 2а, б). Этот тальвар представляет собой стальную изогнутую саблю с красивым эфесом лакхнаууского типа, созданным, возможно, под европейским (вероятно, французским) влиянием (подобное описание см.: [Котин, Успенская 1997: 195]). В то же время эфес сабли украшен чисто индийским элементом — шишечкой («почкой») *могра*, а на клинке — изображение индусского божества Ганеши, приносящего, согласно индийскому поверью, удачу.

Рис. 2а, б. Клинок-тальвар. МАЭ. Колл. № 309-133а

Участники путешествия вслед за английскими романтиками и под влиянием научных открытий У. Джонса и других исследователей, отметивших родство санскрита с древнегреческим и латынью, видели в Индии «прародину» европейцев, живую цивилизацию — ровесницу древнеегипетской и месопотамской. Ухтомский, вообще восторженно относившийся к Востоку и, вероятно, сумевший передать свой восторг и своим спутникам, пишет по поводу посещения цесаревичем и его свитой одного из городов Раджпутаны (современный штат Раджастхан): «Джодхпур! Настоящая, почти (можно сказать) доисторическая Индия, та Индия, о которой каждый из нас невольно бессознательно грезил наяву, читая отрывки из Рамаяны и Махабхараты, тот индийский строй, в котором обрисовывалась фигура легкомысленного Наля, с его чисто славянским характером, и наряду с тем удивила мир идеального самопожертвования возвышенно чистая княгиня Дамаянти» [Русская Индия 2010: 265]. Конечно, образы веселого Кришны и его возлюбленной Радхи были знакомы россий-

Рис. 3. Меч. МАЭ. Колл. № 309-144а

ским путешественникам, посетившим среди прочих городов священную Матхуру. Изображение Кришны и Радхи мы видим на мече листовидной формы. Его клинок напоминает лист священного дерева *punal*⁴. На клинке с одной стороны изображены Кришна и Радха, на другой — сошедшиеся в схватке лев и слон (колл. № 309-144а; рис. 3).

Впрочем, как и другие европейские путешественники, россияне в Индии часто возвращались с небес на землю, став свидетелями страшного обряда кремации покойников в г. Бенаресе (Варанаси) или наблюдая нечистоту улиц и жилищ. Даже влюбленный в Индию князь А. Д. Салтыков, прозванный Индийцем, в одном из своих последних писем во время второго путешествия в Индию (1846) замечает: «Индийцы — самые страшные сектанты, каких только можно представить <...> Дело в том, что они никого не пустят в свое жилище, разве (что) это какой-нибудь заброшенный сарай. Но и эти места обыкновенно грязные, потому что хотя индийцы, без сомнения, и купаются никак не менее двух раз в день, но все вокруг них чрезвычайно неопрятно: улицы, базары и дома такие же в отношении к чистоте, как в Векио-Наполи, или в Чивита Векие, этой несносной трущобе» [Салтыков 1985: 166]. В коллекции Кунсткамеры есть клинок, разительно отличающийся от церемониального меча или сабли-сувенира. Этот противоположный широкому листу клинок — *бичхва*, то есть «скорпион», предназначен для неожиданного удара левой рукой и потому весьма небольших размеров и без богатого декора (колл. № 293-16; рис. 4, малый кинжал).

Столь же ориентально-викторианскими были и организованные для встречи цесаревича *дарбары*. Среди товаров и даров, предлагаемых ему, — главным образом диковинные, экзотические предметы, такие, например, как две церемониальные палицы из желтого металла с навершием в виде головы слона (колл. № 309-158, 159; рис. 5), мечи-*дхупы*.

Один из интересных мечей-*дхупов* (дхоупов) — дар императора Николая II (колл. № 309-138а; рис. 6). Это богато декорированный меч из желтого металла, скорее церемониального характера и, вероятно, рассчитанный на богатого покупателя-европейца.

Индийские мечи — *дхоупы*, *кханда*, *тальвары* — были известны во всей Южной Азии. Своими клинками славились оружейные центры в Лахоре, Сирохи, Альваре, Джайпуре и Лакхнау. Многие из этих центров во время визита цесаревича уже находились в упадке. Производство оружия и других дорогих

⁴ Пипал — *Ficus Religiosa*, священное дерево индуизма, вид смоковницы. Дерево с широкой кроной и раскидистыми ветвями, широкими листьями, похожими на человеческое сердце.

Рис. 4. Кинжал-бичхва (крайний слева). МАЭ. Колл. № 293-16

Рис. 5. Церемониальная палица. МАЭ. Колл. № 309-158

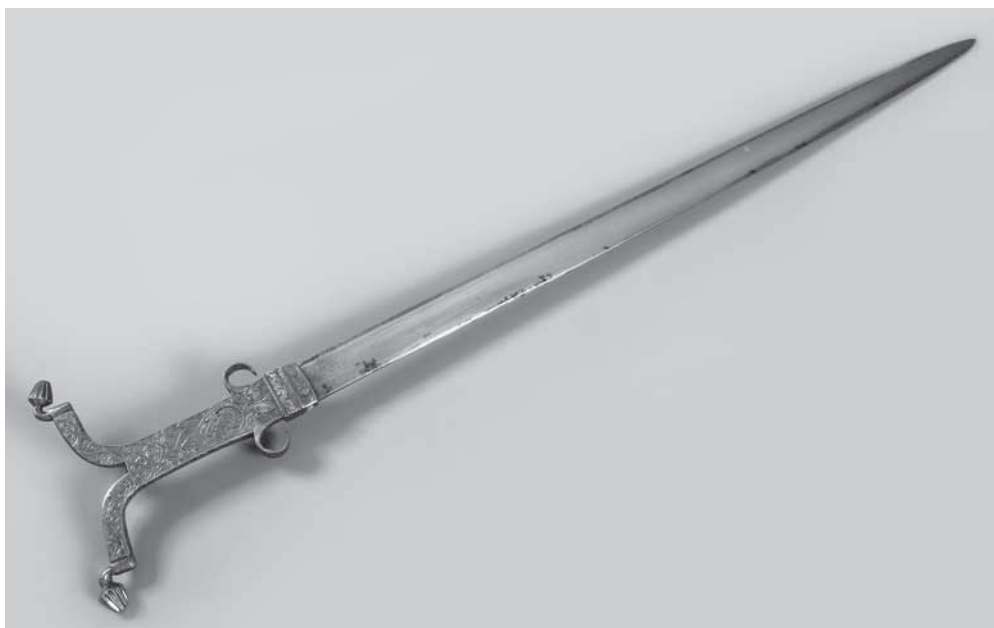

Рис. 6. Меч-дхуп. МАЭ. Колл. № 309-138а

и богато украшенных предметов роскоши было во многом рассчитано на иностранцев, преимущественно европейцев. В упадке и зависимости от европейца-заказчика находилось и производство в Бирмингеме Индии — Бенаресе.

Вот как описывает этот город сопровождавший наследника российского престола князь Ухтомский: «Город, излюбленный Шивой, не только является как бы Меккою индуизма и Афинами браминской учености, но и местным Бирмингемом, хотя и сильно павшим за нынешнее столетие от западного губительного влияния. Золото, серебро, железо искусно и дешево обрабатывается терпеливо-прилежною рукой, тщательно и со вкусом орнаментируется, испещряется узорами — тонкими, точно жилки растений, и причудливо нежными, точно пестрые крылышки птиц. Кроме того, тут изготовляются в большом количестве не уступающие ахедабадским парчовые ткани, шелка, муслин, чепраки и седла, оружие с дорогой насечкой и т.п.» [Ухтомский 1893, т. 2: 17].

Ухтомский продолжает свои рассуждения об индийских ремеслах весьма интересным пассажем: «Когда видишь вблизи работу бенаресских медников (а нам приносили ее показывать на веранду дома махараджи), положительно любишь ее прочностью, цветом и звучностью чекана, что объясняется качествами сплава, который состоит из ртути, цинка, олова, жести, железа, меди и серебра. Зато какой тембр, какие отливки! Немудрено, если покупателями оказываются, между прочим, Европа и Америка» [Ухтомский 1893, т. 2: 17].

Это очень точное наблюдение. С разорением старых княжеских родов и ориентацией многих местных князей на европейскую моду основными заказчиками в Индии в конце XIX в. стали именно европейцы и получившие европейское образование индийцы. Их внимание привлекают либо предметы, знакомые европейцу, либо, наоборот, очень экзотичные, например пламевидный меч-нагина из императорского собрания (колл. № 309-136а; рис. 7).

Основываясь на материале коллекций индийского оружия МАЭ, в частности предметов, подаренных Музеем последним российским императором Николаем II, мы можем сделать вывод о значительном европейском влиянии как на характер приобретений индийских экспонатов российскими коллекционерами, так и, возможно, на специфику производства этих изделий в самой Индии.

Рис. 7. Меч-нагина.
МАЭ.

Колл. № 309-136а

Библиография

- Байрон Дж. Г.* Паломничество Чайлд Гарольда. СПб.: Азбука, 2001.
 Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1985.
Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. М.: Наука, 1985. С. 424–468.
Кисляков В. Н. Первые международные контакты МАЭ (индонезийские коллекции из Берлинского этнографического музея) // Маклаевские чтения (1998–2000). СПб.: МАЭ РАН, 2001. С. 124–126.
Котин И. Ю. Индийское оружие в музеях Британии // Кюнеровские чтения. 1995–1997. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 111–116.

Котин И. Ю., Успенская Е. Н. Меч, сабля, кинжал. Индийское оружие в коллекции Петербургской Кунсткамеры // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1997. Вып. 11. С. 188–204.

Кроллау Н. Е. Формирование коллекций материальных памятников индийской культуры в Великобритании: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2009а.

Кроллау Н. Е. Формирование коллекций материальных памятников индийской культуры в Великобритании: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2009б.

Русская Индия / Сост. Н. Н. Непомнящий. М.: Вече, 2010.

Салтыков А. Д. Письма об Индии. М.: Наука, 1985.

Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя-наследника цесаревича Николая Александровича: 1890–1892 гг. Лейпциг, 1893. Т. 1–2.